

ЛИВ ВЪЕН

БУЛОЧКА

в белом халате для

МАЙОРА МЕДВЕДЯ

Лив Вьен

**Булочка в белом халате
для майора Медведя**

«Автор»

2026

Вьен Л.

Булочка в белом халате для майора Медведя / Л. Вьен —
«Автор», 2026

Михаил настигает меня у стены, нависает надо мной всей своей огромной фигурой и рычит:— Я так этого не оставлю, Булочкина, слышишь? Лучше тебе не воевать со мной.Мое сердце начинает биться так сильно, что, кажется, его стук слышен в тишине коридора. Но я не могу, и не стану отступать.— Кто говорит о войне? Я просто выполняю работу. И раз уж вы так настроены против меня пожалуй, назначу вам клизму. Для профилактики._____Он вояка и неотесанный мужлан. И мой пациент. Я вылечу его, даже если он против! Главное, не влюбиться.

© Вьен Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Лив Вьен

Булочка в белом халате для майора Медведя

Глава 1

Я врываюсь в ординаторскую, швыряю папку с историями болезней на стол и со вздохом опускаюсь на стул. Кофе. Мне срочно нужен кофе. Без него я сегодня точно кого-нибудь при-
бью – и подозреваю, что этим «кем-то» может оказаться очередной самонадеянный пациент, который считает, что разбирается в медицине лучше меня.

– Булочкина, ты опять выглядишь так, будто готова прибить кого-то, – хихикает Наташа, моя коллега и вечный источник сомнительных комплиментов.

Я бросаю на нее испепеляющий взгляд:

– Я выгляжу так, потому что почти не спала три смены подряд и готова съесть кого-то целиком. И, поверь, ты в списке кандидатов на съедение.

Наташа только смеется и пододвигает мне дымящуюся кружку. За это я готова простить ей что угодно.

– Кстати, – добавляет она, понизив голос, – к нам сегодня привезли одного... Такого медведя. В прямом смысле. Двухметрового роста, плечи в проем дверной не пролазят, а взгляд прям как у тебя, будто растерзает сейчас кого-то. Майор разведки, Михаил Буров. Позывной, сюрприз-сюрприз, – Медведь.

Я закатываю глаза:

– О, отлично. Еще один герой, который считает, что ранения – это просто царапины, а врачи – бесполезные паникеры.

– Именно! – кивает Наташа. – И угадай, кому его поручили?

Я замираю с кружкой у рта:

– Только не говори...

– Тебе, Булочкина. Командование решило, что если кто и сможет осадить этого бунтаря, то только ты. Предыдущий врач пьет успокоительное и отказывается его лечить.

– Да они там что, сговорились?! – я ставлю кружку так резко, что кофе выплескивается на стол. – Я врач, а не укротительница диких зверей!

Но, конечно, через десять минут я уже стою у палаты номер семь, глубоко дышу и пытаюсь унять закипающее внутри раздражение. Ладно, Медведь. Посмотрим, кто кого.

Захожу внутрь и сразу натываюсь на взгляд – тяжелый, колющий, оценивающий. Майор Буров полулежит на кровати с забинтованной головой. Бинт ослаб и сполз, придавая мужчине нелепый вид, но даже в таком состоянии он выглядит так, будто готов идти в сражение прямо сейчас.

Он действительно огромен – плечи широченные, под тонкой больничной рубашкой перекатываются тугие жгуты мышц, будто высеченных из гранита. Руки крупные, с выступающими венами и мозолями, не от офисной работы, а от оружия.

Лицо словно с плаката «Настоящий мужчина»: грубоватые, резкие черты, выступающие скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой, темные брови сходятся над переносицей в одну линию, придавая лицу хмурое, напряженное выражение. Короткие ежик волос, на висках седина, не по возрасту ранняя, но ему она идет, добавляя суровой харизмы.

Кожа загорелая, обветренная – видно, что этот человек не сидит в кабинетах. Темно-карие, почти черные глаза смотрят проницательно, оценивающе. В них нет панического страха или

беспомощности, которые часто бывают у раненых. Только холодная, сосредоточенная настороженность, будто он все еще на задании.

Даже в расслабленной позе чувствуется скрытая энергия, как у тигра перед прыжком. Он не лежит, а занимает кровать: одна рука небрежно закинута за голову, вторая лежит вдоль тела, но пальцы чуть подрагивают, будто отсчитывают ритм какого-то внутреннего боя. И от него исходит ощутимая аура, та, от которой у женщин при виде него замирает сердце и подгибаются колени.

Я на секунду замираю, невольно засмотревшись, но тут же беру себя в руки.

«Так, Булочкина, – мысленно одергиваю себя. – Не теряй бдительности. Перед тобой не герой из романтического фильма, а упрямый пациент, который будет сопротивляться лечению всеми силами».

Глубоко вдыхаю и делаю шаг вперед.

– Добрый день, майор Буров, – я стараюсь говорить максимально официально, но голос все равно звучит чуть резче, чем нужно. – Теперь я ваш лечащий врач, Мария Булочкина.

Мужчина хмурится и с недоумением оглядывает меня с ног до головы:

– Лечащий врач? Мне не нужен лечащий врач. Тем более такой. Мне нужна выписка. Я тут неделю торчу! И хватит меня тут мариновать!

Стиснув зубы, я удерживаю ответную колкость на языке. Вот же грубиян!

– Боюсь, это не в моей компетенции, – я подхожу к кровати и листаю историю болезни. – Моя задача – убедиться, что вы не умрете от осложнений или из-за собственной глупости.

Майор резко садится, морщась от боли:

– Слушайте, доктор, – цедит он сквозь зубы, – я не собираюсь тут гнить из-за пары царапин. У меня задание, понимаете? Задание! И пока вы тут со своими бумажками возитесь, ситуация может выйти из-под контроля.

– У вас черепно-мозговая травма и контузия, – твердо отвечаю я. – Если вы не начнете выполнять мои указания, то следующая остановка – морг. А я, знаете ли, не люблю писать некрологи для упрямых майоров.

Он резко бьет кулаком по кровати:

– Да что вы вообще понимаете в боевых ранах?! Я через такое проходил, что вам и не снилось! Эти «царапины», как вы их называете, заживут сами, дайте только вернуться в строй!

В палате повисает тяжелая тишина. Я вижу, как на его шее пульсирует вена, а кулаки непроизвольно сжимаются.

– Хорошо, – спокойно говорю я, глядя ему прямо в глаза. – Давайте договоримся так: вы даете мне три дня. Три дня нормального лечения. Если через три дня ваше состояние улучшится, я лично поговорю с главврачом о вашей выписке. Но до тех пор – никаких побегов, тренировок и самолечения. Идет?

На секунду в палате повисает тишина. Я почти слышу, как в его голове крутятся шестеренки – он явно не привык, чтобы с ним так разговаривали.

– Вы... дерзкая, доктор Булочкина, – наконец произносит он.

– А вы – трудный пациент, майор Буров, – парирую я. – Но мы с этим разберемся. Сначала осмотр. Потом укол. Потом обед. И никаких возражений.

Он усмехается самоуверенно:

– И что, вы меня заставите?

Я наклоняюсь ближе, почти шепчу:

– О, я не просто заставляю. Я сделаю так, что вы сами просите об этом будете. Так что не упрямитесь, майор. Не заставляйте меня идти на крайние меры.

Медведь смотрит на меня долго, тяжело, будто взвешивает каждое слово. Наконец, хрипло бросает:

– Три дня. И только потому, что мне нужно набраться сил для возвращения. Но предупреждаю: если вы обманете...

– То что? – приподнимаю бровь я. – Что вы сделаете, майор? Запугаете меня взглядом? Или, может, заставите маршировать вокруг кровати?

Он стискивает зубы, явно сдерживая очередную грубость.

– Просто делайте свою работу, доктор. И не путайтесь под ногами. Я и так сыт по горло женскими штучками. Моя бывшая жена тоже все «заботилась», пока не сбежала к какому-то офисному планктону. Так что не надо мне тут вашей заботы. Я сам о себе позабочусь.

Внутри у меня все закипает. Вот, значит, как?

– Знаете, майор, – холодно отвечаю я, – я здесь не как женщина, а как врач. Для того, чтобы вас вылечить. И если вы думаете, что ваши личные проблемы с женщинами дают вам право грубить всем подряд, то вы глубоко ошибаетесь.

Он на мгновение замирает, явно задетый. В глазах мелькает что-то темное – боль, обида, злость.

– Мои проблемы вас не касаются, – отрезает он. – Просто делайте, что должны. И без лишних нравоучений.

Мне хочется ответить ему в том же духе, но я сдерживаюсь.

– Вот и договорились, – я мстительно улыбаюсь и достаю шприц. – А теперь – укол. И без фокусов.

– Опять эта гадость? – морщится Медведь. – Да я от нее спать буду, как младенец! А мне нельзя расслабляться!

– Зато проснетесь здоровым, – фыркаю я. – Или вы боитесь, что во сне увидите что-то страшное? Например, как я делаю вам клизму?

Мужчина меняется в лице, и мне чудится в его глазах проблеск страха.

– В ваших мечтах, доктор, – бурчит он, но руку все-таки протягивает.

Глава 2

Я беру шприц, проверяю дозировку и оборачиваюсь к майору. Он следит за моими действиями с выражением, будто я собираюсь вколоть ему яд, а не антибиотик.

– Расслабьтесь, – бросаю я, подходя ближе. – Это не пытка, а лечение. Если хотите, могу и в ягодицу...

От моего предложения глаз майора дергается, и я довольно усмехаюсь. Все они – герои, а как оголеть перед врачом или клизму сделать, так сразу готовы сбежать.

– Нет уж, давайте в руку... – ворчит мужчина. – Вы так говорите, будто действительно собрались меня пытать.

Я натянуто улыбаюсь и ловким движением протираю кожу спиртом.

– И не вздумайте дергаться. У меня твердая рука, но если вы начнете метаться, как загнанный зверь, могу и промахнуться.

– Загнанный зверь? – он рычит. – Да как вы смеете?!

– Просто констатирую факт, – я делаю укол быстро, четко, без лишних движений. – Вы ведете себя, как дикий медведь, которого поймали и посадили в клетку, – завершаю я фразу и аккуратно отхожу на шаг, чтобы быть вне досягаемости его могучей руки.

– Дикий медведь? – он рычит так, что, кажется, дрожат стекла в палате. – Да я вас...

– ...вылечите? – заканчиваю я с невинной улыбкой. – К сожалению для вас, майор, я и так здорова. А вот вам еще лечиться и лечиться.

Он стискивает зубы, явно подбирая самые грозные слова.

– Доктор, – наконец выдает он низким, угрожающим тоном, – если вы не прекратите свои шуточки, я...

– Что? – я приподнимаю бровь. – На гауптвахту отправите? Или проведете мастер-класс по запугиванию медперсонала? Предупреждаю: я проходила практику в отделении травматологии. Так что меня ничем не напугать.

Медведь хмурится еще сильнее, но в глазах мелькает искра – то ли раздражения, то ли... интереса?

– Знаете, доктор, – говорит он, когда я накладываю пластырь, – обычно со мной так никто не разговаривает.

– Видимо, раньше вам не попадались врачи, которые не боятся вас, – я убираю инструменты и скрещаю руки на груди. – И еще – те, кто действительно хочет, чтобы вы выздоровели.

Майор смотрит на меня пристально. В его глазах что-то меняется – раздражение постепенно уступает место... любопытству?

– А вы, Мария... – он делает паузу, будто пробует мое имя на вкус. – Вы всегда такая прямолинейная?

– Только с теми, кто этого заслуживает, – фыркаю я. – А теперь – обед. Вам принесут через пять минут. И да, я проверю, съели ли вы все до последней крошки.

– Вы что, моя жена? – он приподнимает бровь.

– Нет, – я направляюсь к двери. – Я ваш врач. И поверьте, я страшнее любой жены, когда дело касается соблюдения режима.

– Булочкина, вы меня пугаете, – он качает головой, но в голосе больше нет прежней враждебности, скорее – смесь раздражения и... восхищения?

– Это вам не меня надо бояться, – я оборачиваюсь на пороге. – Спокойного отдыха, майор. И пусть вам приснятся только хорошие сны. Без диверсий, погонь и... клизм.

Я выхожу из палаты и прислоняюсь к стене. Сердце бьется чуть быстрее обычного. Черт возьми, этот Медведь... Он не такой, как все. Такой огромный, что рядом с ним я со своими

килограммами чувствую себя Дюймовочкой. Это пугает и одновременно заводит. И почему-то мне хочется снова увидеть его – на этот раз не злым и упрямым, а... может, даже улыбающимся.

Но его предубеждения – это что-то с чем-то.

«Ладно, Булочкина, – мысленно говорю себе. – Ты врач, а не семейный психолог. Твоя задача – поставить его на ноги. А его душевные травмы пусть лечит кто-то другой».

Через несколько часов я снова захожу в палату – проверить температуру и состояние раны. Майор лежит с закрытыми глазами, но, услышав шаги, тут же открывает их.

– Вернулись? – его голос звучит чуть мягче, чем утром.

– Да, – я подхожу к кровати и беру градусник. – Пора проверять, не поднялась ли температура. Откройте рот.

Он послушно выполняет просьбу. Пока жду результат, осматриваю повязку – все в порядке, воспаления нет. Градусник пищит.

– Тридцать семь и два, – констатирую я. – Уже лучше. Но пока остаетесь под моим наблюдением.

– То есть вы не отступите? – он усмехается.

– Ни за что, – я достаю блокнот и делаю пометку. – Вы, майор, теперь моя персональная миссия. И я не привыкла проигрывать.

– Упрямая какая, – он качает головой.

– Как и вы, – парирую я. – Но знаете что? Именно поэтому мы сработаемся.

На мгновение в палате повисает тишина. Мы смотрим друг на друга – и я вдруг осознаю, что его взгляд больше не такой колючий, как утром. В нем появляется что-то новое. Интерес? Уважение?

– Ладно, доктор Булочкина, – наконец произносит он. – Допустим, вы меня убедили. Посмотрим, насколько хватит вашего терпения.

– О, его хватит надолго, – я подмигиваю. – У меня стаж работы с трудными пациентами – пять лет. И вы, товарищ майор, пока не самый сложный случай.

Он смеется впервые за все время. Звук низкий, грудной, неожиданно приятный, отдающийся странной дрожью в теле.

– Вы невозможны, – качает головой Михаил.

– Зато эффективна, – я поправляю повязку. – Отдыхайте. Через два часа зайду снова. И чтобы с кровати кроме как в туалет не вставали – я предупредила охрану.

– Что, серьезно? – он вскидывает брови.

– Абсолютно, – я направляюсь к двери. – И да, если попытаетесь сбежать – я вас найду. У меня нюх на беглецов. И помните: я всегда рядом.

Глава 3

Я выхожу из палаты майора Бурова с победной улыбкой – кажется, я все-таки взяла верх. Он согласился на три дня лечения, даже почти не рычал в конце разговора.

Шагаю в ординаторскую, чувствуя, как напряжение последних часов понемногу отпускает. Наташа уже там – листает какие-то бумаги, но, завидев меня, тут же откладывает их в сторону.

– Ну? – она подается вперед, глаза горят любопытством. – Как он? Справилась?

– Да ничего сложного, – отмахиваюсь я, скидываю халат на спинку стула и наливаю себе еще кофе. – Наглый, самоуверенный... Но я таких, сама знаешь, быстро на место ставлю.

– О-о-о, – Наташа восхищенно качает головой. – Ты просто богиня! Я бы с ним и минуты не выдержала. Он же взглядом убить может!

Я пожимаю плечами, стараясь выглядеть невозмутимой, но тут подруга вдруг прищурилась и хитро улыбается.

– Что это с тобой? – она тычет в меня пальцем. – У тебя щеки красные. И взгляд такой... мечтательный. Что, понравился майор-то?

– Что за ерунда! – бурчу я, чувствуя, как румянец становится еще ярче. – Как может понравиться такой упертый мужлан? Он же на женщин смотрит, будто на недоразумение. Да и вообще, он мне как пациент интересен, а не как мужчина!

– Конечно-конечно, – хихикает Наташа. – Пациент. И поэтому ты так сияешь?

– Замолчи! – я хватаю со стола ластик и бросаю в нее. Она ловко уворачивается, заливаясь смехом.

– Ладно-ладно, молчу!

Остаток дня проходит на удивление спокойно. Пациенты ведут себя прилично, анализы приходят вовремя, даже кофемашина не ломается. Я почти начинаю верить, что эти три дня с майором Буровым пройдут гладко.

Вечер. Вторая ночь дежурства – я подменяю коллегу. Усталость накатывает волнами, но я держусь. Заглядываю в палату к Медведю, и вижу, что он спит. Дыхание ровное, температура в норме. Удовлетворенно киваю сама себе и иду в комнату отдыха.

Устраиваюсь на диване, накрываюсь пледом и почти мгновенно проваливаюсь в сон.

И снится мне... майор Буров. Но не злой, не колючий, а какой-то другой. Он улыбается – тепло, искренне. Обнимает меня, и я утопаю в этих огромных, сильных руках. Его низкий, завораживающий голос звучит где-то над ухом: «Ты такая мягкая, моя булочка. Так бы и съел...»

Прсыпаюсь резко, с горящими от смущения щеками. Сердце колотится как бешеное. «Маша, соберись! – мысленно одергиваю себя. – Это всего лишь сон. Майор Буров – твой пациент, и точка!»

Утро начинается с тревожного звонка от медсестры Лиды:

– Доктор Булочкина, вы только не волнуйтесь... Но майор Буров опять за свое!

Я вздыхаю, откладывая историю болезни и быстрым шагом направляюсь к палате номер семь. Внутри все сжимается: ну конечно, Медведь не мог просто спокойно полежать пару дней!

Заглядываю внутрь – и вот он, красавец: стоит у окна, спиной ко мне, и делает какие-то странные махи руками. Спина мокрая от пота, повязка на голове съехала набок, а нога чуть подрагивает – явно не в лучшей форме, но упорно делает вид, что здоров как бык.

– Майор Буров, – я вхожу, громко хлопая дверью, – что это за цирковые номера?

Он резко оборачивается, хмурится:

– Доктор, я просто разминаюсь. Мне нужно поддерживать форму.

– Поддерживать форму? – я скрещиваю руки на груди. – Да вы еле стоите! У вас анализы хуже, чем у студента после сессии, а вы тут акробатику устраиваете!

– Анализы – это бумажки, – бурчит он. – А я чувствую, что готов к выписке.

– Вот и отлично, – я улыбаюсь самой сладкой улыбкой. – Хотите выписку? Сначала пройдите все процедуры. Укол, осмотр, физиотерапия, контрольный анализ крови и консультация невролога, а лучше – психиатра! И пока этого не будет – никаких разговоров о выписке.

Буров багровеет:

– Вы что, издеваетесь? Я не собираюсь тут валяться, пока вы меня иголками тыкаете!

– Тогда пожалуйте на меня, – пожимаю плечами. – Или лечитесь. Выбор за вами. Но без полного выздоровления я ни одной подписи не поставлю.

Он стискивает зубы, сжимает кулаки, смотрит так, будто готов меня испепелить взглядом.

– Ладно, – цедит сквозь зубы. – Укол так укол. Но это последний раз!

– Это вряд ли, – я достаю шприц. – Их будет много.

Через пять минут я выхожу из палаты, довольная собой, но расслабляться рано. Знаю я этого Медведя – он еще не раз попытается меня перехитрить.

В коридоре меня перехватывает Наташа:

– Ну что, Булочкина? Опять война?

– Хуже, – вздыхаю я. – Саботаж. Он отказывается от уколов, тренируется тайком, а вчера, говорят, пытался сбежать через пожарный выход!

– Да ладно?! – подруга округляет глаза. – И что ты собираешься делать?

– Подкуплю медсестер, чтобы докладывали о каждом его шаге, – фыркаю я. – А может, командованию пожалуюсь. И еще кое-что...

– Что? – Наташа буквально трепещет от любопытства.

– Я пригрозила, что если он будет нарушать режим, я лично буду дежурить у его палаты с табуреткой и дубинкой. И буду сидеть там круглые сутки, пока он не начнет слушаться.

Наташа хохочет во весь голос:

– Хотела бы я видеть его лицо при этом!

– Да достал, честное слово! – хмурюсь я. – Раны не зажили, анализы плохие, а он считает, что здоров. И если его не остановить, он сам себя уграбит.

Тем временем в палате номер семь разгорается новый скандал. Я слышу грозный рык Бурова еще из коридора:

– Где эта... эта Булочкина?! Позвать заведующего! Немедленно! Хочу другого врача! Увольте ее к чертовой матери!

Я замираю на пороге, делаю глубокий вдох и захожу внутрь с невозмутимым видом.

– Майор, – говорю спокойно, – если вам не нравится мой метод лечения, можете написать жалобу, я же говорила. Но пока вы в моей палате – вы будете делать то, что я скажу. Или я лично привяжу вас к кровати. И поверьте, у меня хватит на это сил и терпения.

Мужчина смотрит на меня, тяжело дышит, сжимает и разжимает кулаки, словно сейчас ринется в бой. Но я и бровью не веду, хотя внутри все сжимается от страха.

– Вы невозможная женщина, доктор Булочкина, – наконец выдает он, будто смирившись.

– Зато эффективная, – подмигиваю я, тихо выдохнув с облегчением. – Так что давайте без фокусов. Укол уже готов, медсестра ждет вас на физиотерапию, а обед будет через двадцать минут.

Майор рычит что-то нечленораздельное, но больше не спорит. Я выхожу из палаты с чувством победы, хотя и понимаю: это только начало. Медведь еще не раз попытается взять реванш. Но я готова.

«Булочкина, – мысленно говорю себе, – ты врач, а не дрессировщик. Но если надо, будешь и дрессировщиком. Главное – поставить его на ноги. А уж потом... потом можно будет подумать и о чем-то еще».

Глава 4

Я стою в палате рядом с заведующей, сложив руки на груди, и слушаю, как майор Буров громогласно излагает свои претензии ко мне. Его голос гремит так, что, кажется, дрожат стекла в книжном шкафу.

– ...и я требую сменить лечащего врача! – завершает он речь. – Эта... эта Булочкина просто издевается надо мной! Угрожает, запугивает, заставляет делать бессмысленные процедуры!

Заведующая, Ирина Сергеевна, – женщина лет пятидесяти с железной выдержкой и острым умом – внимательно слушает, слегка покачивая головой. Когда Буров замолкает, она неторопливо снимает очки, протирает их салфеткой и смотрит на майора с легкой ироничной улыбкой.

– Майор Буров, – ее голос звучит спокойно и твердо, – Мария Александровна – один из наших лучших специалистов. Она делает все возможное для вашего выздоровления. И, если честно, я не вижу поводов для ее отстранения.

Буров хмурится, явно не ожидая такого ответа.

– Но она...

– Более того, – продолжает заведующая, – вы находитесь в отдельной палате именно из-за вашего... скажем так, непростого характера. Другие пациенты не обязаны терпеть ваши вспышки гнева, как и наш медперсонал.

Майор краснеет, сжимает кулаки, но молчит.

– Вы, конечно, можете написать жалобу командованию, – Ирина Сергеевна слегка наклоняется вперед. – Но сомневаюсь, что они будут рады узнать, что вы саботируете лечение. Особенно после контузии. Вы же понимаете, что это может повлиять на вашу дальнейшую службу?

Буров замирает. Видно, как в его голове крутятся шестеренки: он осознает, что правда не на его стороне.

– Так что, – завершает заведующая, – рекомендую вам прислушаться к доктору Булочкиной. Она знает, что делает. А теперь, если позволите, у меня много работы.

Майор бросает на меня злой взгляд, разворачивается и выходит из кабинета. Я благодарю заведующую и следую за ним. Но Михаил резко останавливается и хватает меня за плечи, развернув к себе.

Я инстинктивно отступаю, но он настигает меня у стены, нависает надо мной всей своей огромной фигурой и рычит:

– Я так этого не оставлю, Булочкина, слышишь? Лучше тебе не воевать со мной.

Мое сердце начинает биться так сильно, что, кажется, его стук слышен в тишине коридора. Воздух густеет, становится трудно дышать.

Я смотрю в его темные глаза и вижу в них не только злость, но и то, что заставляет мои колени чуть подрагивать. А жар, исходящий от его мощного тела, вид его сжатых в тонкую полоску губ и молнии во взгляде вместо страха вызывают совсем иное чувство. Желание распробовать эти губы на вкус.

Но я не могу, и не стану отступать. Собрав всю смелость, я поднимаю подбородок и холодно отвечаю:

– Кто говорит о войне? Я просто выполняю работу. И раз уж вы так настроены против меня... пожалуй, назначу вам клизму. Для профилактики.

Лицо Михаила искажается от ярости. Он стискивает зубы, сжимает кулаки – видно, с трудом сдерживается, чтобы не сказать что-то грубое.

– Ты... – начинает он, но осекается.

– Что, майор? – я приподнимаю бровь. – Может, придумать вам процедуру поинтересней? Колоноскопию, например?

Его глаз нервно дергается, и он резко отступает, отворачивается, проводит рукой по волосам.

– Черт с тобой, Булочкина, – бросает через плечо. – Но это еще не конец.

Мужчина заходит в палату, громко хлопнув дверью, а я остаюсь в коридоре, прислонившись к стене и пытаюсь унять бешеное сердцебиение. Руки слегка дрожат, во рту пересохло, словно я только что побывала в клетке с голодным львом.

Глубоко вдохнув, я выпрямляюсь и иду к сестринскому посту. Нужно взять направление на анализы для Бурова. И, может быть, выпить еще одну чашку кофе – чтобы собраться с силами. Потому что, судя по всему, следующие дни будут гораздо веселее.

Глава 5

Я вваливаюсь домой после смены, бросаю сумку у двери и с облегчением выдыхаю. Тишина. Пустота. Одинокая, пустая квартира – даже кошки нет, ведь мне некогда о ней заботиться. Работа, работа, работа...

Бросаюсь на диван, включаю какой-то дурацкий сериал про любовь – то, что нужно, чтобы отвлечься от мыслей о... ну, вы поняли. О нем. Достаю из морозилки банку мороженого, зачерпываю ложкой прямо из контейнера – плевать на тарелки и ангину.

– Так, Булочкина, – говорю сама себе, облизывая ложку. – Забудь про майора Бурова. Он просто пациент. Упрямый, грубый, невыносимый... но пациент.

Но, конечно, не получается. Мысли снова и снова возвращаются к нему: к его тяжелому взгляду, к тому, как он сжимает кулаки, когда злится, к его низкому, хриплому голосу, будоражащему кровь... К тому моменту, когда он нависал надо мной у стены, а между нами буквально искрило от напряжения.

– Черт, – бормочу я, закидывая в рот очередную ложку мороженого. – Почему именно он? Почему я вообще о нем думаю?

Сериал идет своим чередом, но я его почти не вижу. Перед глазами – лицо Бурова: грубые мужские черты лица, вояки, густые брови, которые он вечно хмурит, упрямая линия рта. И этот взгляд... то колючий, то вдруг – почти теплый.

В конце концов, доедаю мороженое, выключаю телевизор и заваливаюсь спать. Но даже во сне он не оставляет меня в покое: снится, будто мы снова стоим лицом к лицу, он что-то говорит, я отвечаю, а потом... Потом все сливается в какой-то вихрь эмоций, прикосновений, взглядов, поцелуев и объятий.

Я просыпаюсь посреди ночи в поту, с бешено бьющимся сердцем.

– Маша, – шепчу в темноту, – соберись. Это просто усталость. Просто стресс. Майор Буров – не принц из сказки. Он – трудный пациент, который тебя бесит. И точка.

Снова ночное дежурство. Проверяю пациентов, разбираю отчетность, отвечаю на звонки. Все как обычно. Но с каждым шагом к палате номер семь внутри все сильнее сжимается какой-то узел. Боюсь заглянуть внутрь. Боюсь увидеть его – и в то же время безумно хочу.

Осторожно приоткрываю дверь. В палате царит тишина, и слышно лишь, как за окном ухает сова. Буров спит. Повязка на голове аккуратно закреплена, дыхание ровное, лицо ослаблено – и от этого он выглядит совсем другим. Не грозным майором, а просто мужчиной. Усталым, израненным, уязвимым.

Я мнусь на пороге, потом все же захожу – тихо, стараясь не разбудить. Подхожу ближе, осматриваю повязку, проверяю температуру. Все в норме. Но вместо того, чтобы уйти, я вдруг замираю возле кровати и залипаю взглядом на нем.

Мужественное лицо: выступающие скулы, прямой нос с едва заметной горбинкой, темные ресницы, контрастирующие с загорелой кожей. Широкие плечи, мощные руки – даже сейчас, когда он спит, в нем чувствуется скрытая сила.

И я ловлю себя на мысли: каково это – быть женщиной такого мужчины? Чувствовать его объятия, слышать этот низкий голос, обращенный не с раздражением, а с нежностью...

Но я тут же осаживаю себя.

Булочкина, очнись! Ты не какая-то там модель с обложки. У него наверняка отбоя нет от красоток – стройных, ухоженных, уверенных в себе. А ты... обычный врач. С лишними килограммами, мешками под глазами и вечной усталостью. И этот гад тебя просто не переваривает.

Вздыхнув, я отворачиваюсь. Сердце почему-то болит. Еще раз бросаю взгляд на Бурова – он слегка шевелит губами, будто что-то бормочет во сне, – и тихо выхожу из палаты.

Иду в комнату отдыха, падаю на диван и накрываюсь пледом. Глаза закрываются сами собой.

«Все, – думаю, проваливаясь в сон. – Завтра новый день. И хватит думать о нем».

Но где-то в глубине души понимаю: это у меня вряд ли получится.

Просыпаюсь я резко, будто меня включили. Но не успеваю толком прийти в себя, как дверь распахивается и в комнату влетает Наташа. Лицо у нее встревоженное.

– Маша, вставай! – она трясет меня за плечо. – Буров разбушевался! У него приступ ПТСР, разнес всю палату, санитары не справляются!

– Что?! – я вскакиваю на ноги, сон как рукой сняло.

– То! – Наташа охает, хватается за голову. – Он там все крушит! И орет что-то про засаду и диверсантов!

– Поняла, – я уже на ходу застегиваю халат. – Иду.

– Ты что, серьезно? – подруга бежит следом. – Ты либо настолько бесстрашная, либо просто чокнутая!

– Второе, – бросаю через плечо, ускоряя шаг. – Но кто-то же должен его успокоить.

Мы мчимся по коридору к палате номер семь. Где-то внутри бурлит смесь страха и решимости. «Ладно, Медведь, – думаю я. – Посмотрим, кто кого на этот раз».

Глава 6

Я бегу по коридору, и с каждым шагом грохот из палаты номер семь становится все громче. Сердце колотится, как бешеное, ладони потеют. Даже издали слышно, как Буров буйнит – рычит, что-то рушит с грохотом, орет невнятные команды.

Наташа семенит рядом, хватается за мой рукав:

– Маша, может, подождем подкрепление? Или хотя бы главврача? Он же тебя...

– ...не тронет, – обрываю я на ходу. – К тому же в таком состоянии он сам себе навредит.

Надо приводить его в чувство.

Распахиваю дверь – и замираю на пороге, увидев натуральный разгром, будто тут армия прошлась: перевернутая тумбочка, сорванная с креплений лампа, разбросанные по полу бинты и ампулы. Санитары жмутся по углам, стараясь не попасть под горячую руку. А в центре – Буров. Выглядит неважно: лицо искажено, глаза дикие, волосы всклокочены, рубашка на груди порвана.словно раненый, разбушевавшийся медведь, загнанный в угол.

Он рычит что-то про засаду, делает резкий выпад в сторону одного из санитаров. Тот отскакивает, чуть не падает.

– Так, – я хлопаю в ладоши, стараясь, чтобы голос звучал твердо. – Внимание! Санитары, ко мне! Хватать майора и держать крепко хотя бы пару секунд. Выполнять!

Мужчины переглядываются, но все же решаются подойти. Втроем наваливаются на Михаила, прижимают к стене. Он рычит, дергается, но они держат крепко.

Мне страшно. По-настоящему страшно. Но я сжимаю кулаки, делаю глубокий вдох и подхожу вплотную. Смотрю в его дикие глаза – и вдруг понимаю: надо сделать что-то неожиданное. Что-то, что выбьет его из этого состояния.

Не раздумывая больше, я резко подаюсь вперед и крепко целую его в губы.

Буров замирает. На секунду весь мир будто останавливается. Санитары тоже цепенеют, выпучивают глаза. А потом... он вдруг отбрасывает их от себя одним движением, но не бросается дальше крушить палату. Вместо этого отвечает на мой поцелуй.

Его губы горячие, жесткие, но в этом движении вдруг проскальзывает что-то отчаянное, почти беспомощное. Я на мгновение теряюсь, чувствую, как внутри все переворачивается. Но тут же беру себя в руки: пока он отвлечен, быстро достаю из кармана заранее приготовленный шприц и делаю укол в плечо – ловко, почти незаметно.

Майор отрывается от меня, смотрит удивленно-обиженно. В глазах мелькает растерянность, его веки тяжелеют, он обмякает и падает. Санитары вовремя подхватывают его и аккуратно укладывают на кровать.

– Ну ты даешь, Булочкина, – раздается от двери восхищенно-насмешливый голос Наташи. Она стоит, уперев руки в бока, и качает головой. – А говорила, что он тебе не нравится.

Я краснею до корней волос, поправляю халат, стараясь выглядеть невозмутимой:

– Это... медицинская тактика. Экстренное вмешательство.

– Ага, – кивает Наташа с ухмылкой. – Целуют пациентов исключительно в терапевтических целях. Я поняла, поняла.

– Помолчи, – бурчу я, проверяя пульс Михаила. – Лучше помоги привести палату в порядок. И вызови дежурного психиатра – пусть посмотрит его, когда проснется.

Санитары переглядываются, перешептываются. Один из них тихонько говорит другому:

– Видал, как она его? Вот это да...

– Тихо! – шикаю я. – Никаких сплетен. Это был нестандартный метод купирования приступа. Запомнили?

– Так точно, доктор, – санитары вытягиваются по струнке, но в глазах у обоих – откровенное восхищение пополам с изумлением.

Наташа подходит ближе, шепчет мне на ухо:

– Признайся, Булочкина. Ты же сама чуть не растаяла, когда он тебя обнял.

– Ничего я не... – я замолкаю, закусываю губу. Вспоминаю его губы, его руки, этот короткий миг, когда все внутри перевернулось. – Ладно, может, чуть-чуть. Но это ничего не значит! Он – пациент. Точка.

– Как скажешь, – подруга подмигивает. – Но я-то все видела. И запомнила. Маша и Медведь, ой не могу...

Она хохочет, а я, сердито поджав губы, украдкой кошусь на бесчувственного Михаила. В голове сумбур: с одной стороны – облегчение, что удалось его успокоить; с другой – странное, волнующее послевкусие от того поцелуя.

«Так, Булочкина, – мысленно одергиваю себя. – Соberись. У тебя работа. Пациент в стабильном состоянии, палата разгромлена, а впереди еще целая ночь дежурства. О чувствах будешь думать потом. Ох, черт, и как теперь вообще смотреть ему в глаза?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.